

ЕВГЕНИЙ ШЕЛЕХОВ

A close-up portrait of a man in a dark suit, white shirt, and red tie. The right side of his face is covered in a red, cracked, and textured effect, resembling a mask or a digital glitch. The background is dark and moody.

АНГЕЛ
ДЛЯ
АДВОКАТА

18+

Евгений Шелехов

Ангел для адвоката

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65902882

SelfPub; 2021

Аннотация

Что бы вы сделали, если бы с вами заговорил ангел и сказал все изменить в своей жизни? А если бы ночью явился другой и сказал не слушать первого? Известный адвокат Владимир оказался именно в такой ситуации. От выбора, который он сделает, зависит нечто большее, чем его жизнь.

Евгений Шелехов

Ангел для адвоката

– Не смотри это видео, порнография погубит твою душу, – слышался мелодичный голос.

Аналогичная надпись, будто субтитры, проступила на экране ноутбука.

– Да-да, – проворчал Вова, – где тут кнопка «Пропустить рекламу»?!

– Владимир, я не шучу, – вновь пропел голос, сопровождаемый новой надписью на экране.

Володя напрягся и лихорадочно попытался сообразить, что происходит. Это розыгрыш? Может, это кум установил какой-то вирус? Позавчера, когда попросился посреди вечеринки срочно поработать за компьютером? Точно он! А вдруг это хакеры? Вдруг конкуренты из оппозиции их наняли для сбора компромата? Известный адвокат, кандидат в мэры города, а тут такое. Еще и встроенная камера прямо на него смотрит... Резким движением Володя захлопнул ноутбук и, вырвав из уха наушник, бросил на стол.

Воцарилась тишина, только пульс бешено стучал в ушах. Когда это он успел так вспотеть?

– Мы можем говорить и так, – слышался вздох из динамиков ноутбука. – Ты только не уходи никуда. Разговор серьезный, а времени мало.

Что за черт? К ноуту же наушники подключены, звук должен только через них идти. Хакеры вообще полностью контролируют компьютер? Там же столько файлов по клиентам! Если документы всплывут в сети, его лицензии лишат! Володя на секунду замер в нерешительности и дрожащей рукой вновь поднял крышку ноутбука. Другого выхода нет, придется разговаривать.

– Кто вы? – выдавил Володя сиплым от волнения голосом.

Нужно взять себя в руки! Уже и так показал слабость. Если придется торговаться, нужно начинать разговор по-другому.

– Я – твой ангел, —голос звучал так, будто это было очевидно. – Можешь обращаться ко мне «на ты». Ближе меня у тебя никого нет.

Буквы на мониторе засветились одна за одной, а затем погасли, оставив лишь слово «ангел».

– Какой еще к черту ангел?! – взорвался Володя. – Кто ты такой и что тебе нужно?!

– Не поминай черта при мне, пожалуйста. И вообще лучше не поминай, – в голосе появились поучительные нотки. – Я – твой ангел, ангел—хранитель.

– Хорош мне мозги...

– Не перебивай, пожалуйста. Я понимаю, что тебе в это сложно поверить. Люди совсем утратили веру... – снова разочарованный вздох. – Ладно, раз тебя не убедил мой голос из закрытого ноутбука, давай так. Помнишь день рож-

дения Пашки? Вы сейчас не общаетесь совсем, а в детстве лучшими друзьями были.

– Сложно общаться с тем, кто давным–давно умер от передоза, – пробубнил Володя. Этот разговор вышел за рамки здравого смысла. Он даже бояться перестал, чувствовал только растерянность. – Какой день рождения ты имеешь ввиду?

– Восьмой. Ему восемь лет исполнилось. У Пашки отец моряком был и привез много всяких диковинных сладостей. Ты тогда не удержался и пачку конфет стянул. А когда пришел домой, тебе ни одна в рот не полезла. На следующий день ты ему во всем признался и вернул пачку. – Голос затих, а Володя почувствовал прилив стыда, словно его только что разоблачили. – Я тогда очень гордился тобой, Владимир, – голос звучал очень проникновенно. – Это был настоящий поступок.

– Спасибо, – оторопело пробубнил Вова. Этого не мог знать никто, кроме Пашки. А Пашка умер. Володя взял телефон и сфотографировал экран ноутбука. Потом зажмурился, тряхнул головой и, не поворачиваясь к компьютеру, посмотрел на телефон. Снимок запечатлел экран ноута и два слова на нем «настоящий поступок».

– Неужели так сложно поверить? – с укором переспросил «голос».

– Если ты меня так хорошо знаешь, то должен понимать, что сложно, – огрызнулся Володя.

– Да, цинизм и прагматичность уже почти вытеснили из тебя все остальное. А каким ты был раньше?! Любознательным, добрым, помогал людям...

– Я и сейчас помогаю.

– Да, ты жертвуешь на благотворительность малую часть своих гонораров. Но с какими чувствами ты это делаешь? – в голосе слышалось неподдельное сожаление. – В глубине души ты ведь знаешь, что живешь неправильно. Ты же этими пожертвованиями словно откупиться хочешь.

– Так, ангел, – этот разговор начал раздражать Володю, – ты мне позвонил... или как называется этот твой способ общения... короче, ты со мной связался для того, чтобы вздохнуть и поностальгировать? Давай к делу! Уже поздно, а мне еще к заседанию готовиться надо. Завтра очень важное слушание. И очень важный клиент.

– Мы оба знаем, как ты собирался к нему готовиться, – вновь укор в голосе. У Володи загорелись щеки. – Но именно по этому делу я с тобой и связался. Вернее, связь между нами была всегда, но ты разучился меня слышать. Поэтому приходится так...

– А и правда, – Володя откинулся в кресле и скрестил руки на груди, – если ты ангел, то что за странный способ? Почему ты просто не явился мне?

– Мы являемся во плоти только в исключительных случаях и, говоря понятным тебе языком, по особой процедуре. А сейчас не тот случай. Я и так действую на грани дозволен-

ного и долго поддерживать такую связь не смогу. В общем слушай и не перебивай. – Голос посуровел и зазвенел пафосными нотками. – Ты подошел к бездне, Владимир. Пока не поздно, вернись на путь истины! Завтра ты будешь защищать от покаяния полного гнуса и негодяя. Выиграв это дело, ты вознесешься еще выше в глазах людских, но падешь в глазах Божьих. Но не это приведет к твоему окончательному падению. Власть, за которую ты так борешься, погубит тебя. Она пожрет твою душу так же, как пожрала многих других. Даже деньги не так опасны, как власть. Оставь алчность! Оставь гордыню! Отрекись от своих амбиций, и у тебя еще будет шанс на спасение.

Голос затих, последним на экране медленно растаяло слово «спасение». Володя так и сидел, оторопело глядя сквозь монитор, пока не осознал, что на нем запустился ролик, который он собирался посмотреть. Только ему уже было не до этого. Он с раздражением клацнул на крестик, закрывая сайт, и открыл вместо этого историю браузера. Ничего необычного.

Это что было вообще? Как такое возможно? Он сходит с ума?

Он прошел в ванную, умылся холодной водой и уставился в зеркало на свое мокрое лицо. Если не считать ошалелого выражения – лицо как лицо, даже мешков под глазами нет. Последние пару дней не пил. Кокаин вообще почти месяц не принимал. Он открыл галерею в телефоне и снова по

смотрел на фото. «Настоящий поступок». Может переутомление? Пожалуй, лучше лечь спать пораньше.

***

– Привет, Вовка!

Володя открыл глаза. Он лежал в своей кровати на спине и не чувствовал ни ног, ни рук. Луна в распахнутом окне была необычайно большой и яркой. Ее бледный свет хорошо освещал фигуру, сидевшую на краю кровати.

– Пашка? – Володя рассмотрел лицо. Его друг выглядел так, будто ему все еще было пятнадцать. Тогда он был озорным, жизнерадостным и самым сильным в школе. Совсем не тем иссохшим наркоманом, которого Володя видел при их последней встрече. – Ты здесь откуда?

– Я не совсем Пашка. Я – твой ангел. Я просто позаимствовал его внешность. И манеры, чтобы тебе было проще и привычнее со мной говорить.

– Опять ты? Что происходит?

– Я отвечу на второй вопрос: ты спишь, и я явился тебе во сне. Первый вопрос некорректен, но я понимаю, о чем ты хотел спросить. Нет, это не я являлся тебе вечером. Ангелы могут являться только во сне, все остальное – от лукавого. Вы люди совсем забыли базовые истины. А то был нечистый. – Последнюю фразу Пашка сказал с отвращением, даже с агрессией.

С минуту Володя ошарашенно молчал, пытаясь переварить услышанное и соотнести это с событиями последнего

вечера. И со здравым смыслом. Паша тишину не нарушал, лишь смотрел на него снисходительно.

– Откуда я могу знать, что ангел – ты, а не он? – наконец собравшись с мыслями, выдал Володя.

– Да уж, Владимир. Я ожидал от тебя вопросов, но не таких, – в голосе Пашки послышалось разочарование. – А ведь темный был прав, когда говорил о твоём цинизме. Ладно. Во-первых, я тебе уже сказал, что мы можем являться людям только во сне. Что, потребуешь решение суда в подтверждение? С подписью и печатью? Шучу, – Пашка ухмыльнулся своей фирменной улыбкой с прищуром. – Ни одна бумага не может нести на себе законы мироздания. Это бумага существует благодаря им, а не наоборот. Во—вторых, мы – ангелы – существа бестелесные. По крайней мере в вашем понимании. Соответственно, мы свободны от присущих вам телесных искушений и ограничений. В том числе от эмоций. Мы не испытываем эмоций, Владимир, – лицо Пашки стало безжизненным. От его взгляда Володе стало не по себе.

– Ты же только что шутил. Как можно шутить, не испытывая эмоций?

– Я же сказал тебе, что позаимствовал манеры твоего друга, чтобы тебе было проще меня понять. Ты же такой умный, не заставляй меня повторяться, – Пашка поморщился. – Вся эта ваша пресловутая свобода воли... Нет ее. Вами движут эмоции, гормоны. Вы – просто химические машины.

– Ты что завидуешь?

– Володя, мне опять повториться? – Паша разочарованно поднял брови. – Я вообще к чему про эмоции. Темный тебе сегодня сказал, что гордился тобой. Ангел не может гордиться. Это не просто эмоция, это еще и проявление гордыни. Понимаешь?

– Ни хера я не понимаю! – рявкнул Вовка. – Что происходит? Какие ангелы?! Какие явления?! Что вам вообще от меня нужно?!

– Вот, наконец вопрос по сути, – Пашка улыбнулся. – Объясняю. Ему нужно сбить тебя с пути. Мне нужно этого не допустить.

– И зачем ему это? – недоверчиво спросил Володя. Если раньше он пытался осмыслить происходящее и уложить его в свою картину мира, то теперь понял, что в этом нет смысла. Ладно. Тогда он будет просто задавать вопросы, чтобы нарисовать в этой картине новые детали.

– Если ты сойдешь со своего пути, ты станешь заблудшим. Ты потеряешь цель, потеряешь себя, впадешь в депрессию и, скорее всего, совершишь самоубийство. Я надеюсь, ты хотя бы знаешь, что суицид – самый тяжкий грех?

– Где—то слышал, – буркнул Вова. – Ну, так и что ты мне хочешь сказать? Что все, что он наговорил, – полная херня?

– Давай так. Утром ты будешь защищать своего клиента в суде. Иными словами, будешь выполнять свой долг. Так?

– Так.

– Ты знаешь, что твой клиент не святой. Я даже чувствую

твое отвращение к нему, – Паша на секунду запнулся, глядя в глаза Володе. – Да, я, как твой ангел, могу чувствовать... видеть оттенки твоих эмоций. Твоих, не своих. Долго объяснять. Давай к сути, – Паша снова сделал паузу, – каким бы ни был твой клиент, ты знаешь, что конкретно в этом деле он невиновен. Она сама затащила его в постель. А теперь пытается шантажировать, вытянуть из него денег, обвиняя в изнасиловании.

– Знаю. Она мне об этом прямо сказала.

– Так и что ты должен делать, как адвокат? Как его защитник? Как участник процесса, в котором вершится правосудие?

– Я должен его защищать.

– Правильно. И не твоя вина, что система так работает. Что в ваше время правосудия можно добиться только деньгами. В конце концов, денег у него куры не клюют. И заработаны они не самым честным образом.

– Мне прям полегчало, – съязвил Володя. На самом деле у него на душе заскребли кошки. Но ведь ангел прав. Не его же вина, что система сейчас работает только так? – А что насчет политики?

– Ровно то же.

– То есть мне можно в мэры?

– Можно, конечно. Но это лишь тебе решать. Свобода воли, так сказать, – Пашка хмыкнул.

– Паш. То есть, ангел, – растерянно пробормотал Воло-

дя, – так это получается, что у меня все же есть душа?

Паша посмотрел на него, как на идиота:

– Есть, Владимир, – отчеканил он. – У всех вас она есть.

– И она бессмертна?

– Смерть – это переход твоей души из одной реальности в другую. Он сопровождается распадом ее телесной оболочки, что вы – люди – и называете смертью. Для души такого понятия не существует.

– То есть она существовала давно и будет существовать вечность?

– Время циклично, поэтому ваше понимание вечности можно назвать синонимом времени.

– А почему я не помню, кем я был в прошлой жизни?

– Потому что твоя душа – это само твое естество, информационный энергетический сгусток, который от каждого перерождения берет лишь главное и его итог. – Паша закинул ногу на ногу и повернулся к окну. – Представь, что ты в прошлой жизни был королем, но прожил паскудную жизнь, наделав много бед. В этой жизни ты становишься сапожником в другой реальности. Если бы ты помнил, кем ты был раньше, и понимал, какая жизнь тебе светит сейчас, ты бы руки на себя наложил еще в детстве. А так, у тебя новая жизнь, которую ты проживаешь без оглядки на предыдущие циклы. Практически без оглядки. Все же ключевой опыт о том, что хорошо, а что плохо, у вас откладывается. Вы это еще называете интуицией, дежавю и прочее.

– А как же население планеты? – не унимался Володя. – Оно ведь постоянно растет. Откуда берутся новые души, если они вечны и бессметны?

– Я тебе про реальности, про параллельные вселенные, если хочешь, а ты мне про одну захудалую планету. Баланс, Владимир. Баланс! Если больше здесь, значит меньше где—то еще. Баланс – это вообще краеугольный камень, вокруг которого все вертится.

– То есть, если я проживу жизнь праведника, то я попаду в рай? – спросил Володя, в глубине души надеясь, что жизнь праведника все же не обязательный элемент. – Это такая параллельная вселенная?

– Рая не существует. Как и ада, и праведников. Просто твой баланс на момент перехода – то есть смерти – определяет в какую из реальностей ты движешься дальше. Чем лучше твой баланс, тем лучше реальность.

– Это типа кармы?

– Ну, про жизнь в камне и грехи родителей – это чушь, – фыркнул Паша. – Но в целом принцип такой, да.

– А что в крайних реальностях?

– Есть лишь одна крайняя реальность. И в ней ответы на все вопросы. Для того, чтобы туда попасть, нужно разорвать цикл и самому стать Богом. А ты пока очень далек от того, чтобы заслужить ответы на все вопросы. На этом и закончим. – Паша встал с кровати и отошел к окну. – Ты понял главное? Зачем я к тебе приходил?

– Понял. Не сходить с пути.

Володя дернулся, пытаясь встать вслед за Пашей, и резко сел на кровати. Паши в комнате не было, а сквозь щель между шторами пробивались яркие солнечные лучи. Володя чуть не свалился, когда резким движением потянулся к тумбочке за телефоном. Вчерашней фотографии в галерее нет. Неужели приснилось все?

***

– Не виновен! – провозгласил судья Крутов, в довесок к своему зычному голосу грохнув молотком.

Клиент – хорошо известный в городе бизнесмен – подскочил на месте, вскинув руки в победном жесте, а затем повернулся к Володьке и обнял его:

– Ты оправдал свою репутацию на все сто процентов! – прошипел он в самое ухо. Володя сделал усилие, чтобы не отстраниться от неприязни. – А с этой шалавой я еще разберусь, когда шумиха утихнет. Молодец! – он хлопнул Володю по плечу и, пританцовывая, направился к своим охранникам – двум шкафам в черных костюмах, ожидающим у выхода из зала суда.

– Я это так не оставлю! Я подам апелляцию! – закричал прокурор Давилов, но затем повернулся к Володе и едва заметно подмигнул.

У суда ждала пресса. Завидев свою цель, молодая, симпатичная репортерша толкнула в плечо оператора и бросилась к Володе.

– А вот и наш герой, Владимир Александрович Жилин! – она остановилась в шаге от Володи, загораживая ему проход, и протянула микрофон. – Владимир Александрович, вас можно поздравить с очередной победой?

– Здравствуйте. Спасибо. – Володя увереннее стал перед камерой и широко улыбнулся. – Да, нам сегодня удалось отстоять не только свободу, мы защитили честь и достоинство ни в чем невиновного человека! Само по себе вымогательство недопустимо. Но когда оно еще и делается такими грязными методами, когда порочит честь достойнейших людей, я, конечно, не могу стоять в стороне.

– Через месяц выборы. Избирательная компания в разгаре. Как показывают данные экзитполов, у вас есть все шансы победить. В чем, на ваш взгляд, ваше ключевое преимущество перед прочими кандидатами?

– За свою карьеру я защитил многих людей. Защищать людей – это мое призвание, моя страсть. И я делом доказал, что не только хочу, но и умею это делать. В этом и есть мое преимущество.

– Но от чего или от кого же вы будете защищать людей, находясь на посту мэра? – улыбнулась журналистка.

Глаза у нее такие, с искорками. Может, попросить телефон?

– Я буду защищать людей от социальной несправедливости, от бедности, от завышенных тарифов на отопление и от плохого качества питьевой воды. В конституции написано,

что каждый имеет право на достойный уровень жизни. Вот это право я и буду защищать!

***

В преддверии дня выборов его избирательный штаб закрылся поздно. Несмотря на усталость, Володя ехал домой в хорошем настроении. Завтра он станет мэром, в этом практически не было сомнений. На радио заиграла приятная музыка, и он начал пальцами по рулю выстукивать ее ритм.

– Владимир, остановись!

Вова резко дал вправо и нажал на тормоз. Сигналя и открывая рот в беззвучной гневной брани, водитель шедшего сзади автомобиля обогнул его и на секунду притормозил. Драться ползет? Нет, передумал, поехал дальше. Может просто яму объезжал? Володя выдохнул и откинул голову на подголовник.

– Ты понимаешь меня слишком буквально, – вновь прозвучал уже знакомый голос из колонок.

– Что тебе нужно? – с раздражением спросил Володя. Он уже начал забывать о той странной ночи, забывать о сомнениях, которые мучили его с тех пор. И вот опять.

– Это последнее предупреждение, Владимир. Отрекись! Пока еще не поздно.

– Отречься от чего?

– От власти! Я же тебе говорил уже.

– То есть работать адвокатом мне все же можно? – Володя хмыкнул. Сейчас он выведет этого «ангела» на чистую воду.

– В принципе можно, – в голосе послышалась неуверенность.

– А как же гнусы и негодяи, которых я буду защищать?

– А ты защищай хороших людей! – выдал голос.

– Да? Как все просто! Может, только праведников?

– Праведников не бывает, – в голосе зазвучали нотки сожаления. – По крайней мере сейчас.

– Где-то я это уже слышал, – протянул Володя. – И как я, по-твоему, должен отличать хорошего человека от плохого? Вот приходит ко мне клиент, его в убийстве подозревают, а он не убивал никого. Грабил, но не убивал. Защищать мне его или нет?

– Ну ты же знаешь, что он – грабитель. Нет, конечно.

– А если не знаю? Или если знаю, что мусора ему специально статью шьют: откупится – хорошо, не откупится – всяк закроют. Что мне делать: защищать или нет? Где справедливость?

– Я все же склоняюсь к тому, чтобы не защищать. Скорее всего, это кара его настигла, – уверенности в голосе было все меньше.

– Что-то ты, ангел, совсем поплыл. А если на меня невинными глазами смотрит старушка – божий одуванчик, плачет и утверждает, что не травила соседских собак и ребенка вместе с ними. Что мне делать?! – Володя повысил голос.

– А она травила?

– А я откуда знаю?! Может и нет. А может, за этой мас-

кой с бигудями такая душа черная прячется, что грабитель паинькой покажется. – Володя замолчал, но и голос не спешил отвечать. – Что молчишь? Кончилась твоя мораль? То же мне ангел.

– Лучше так, чем во власть, – наконец выдал голос.

– Неубедительно. Вот явился бы ты мне, посмотрел бы я в твои безгрешные глаза и достиг просветления. Одним голосом ты явно не справляешься.

– Я же говорил, что не могу просто так явиться...

– Да-да, – перебил его Володя, – а я слышал, что ты в принципе явиться не можешь, иначе как во сне. Аль ты не ангел?! – кривляясь, воскликнул он.

– Кто тебе такое сказал? – голос вмиг стал серьезным, даже озабоченным.

– Другой ангел, тот, что только во сне являться может.

– Тебе являлся нечистый?!

– Мне являлся кто-то другой. И он утверждает, что нечистый – это ты!

– Это неправда! Он одурманил тебя. Очнись!

– У меня такое ощущение, что я с вами в мафию играю, – Володя издал нервный смешок. – Один орет: «я – комиссар!», а другой: «нет, комиссар – это я!»

– Это не игры, Владимир. На кону твоя душа!

– А ты можешь оставить мою душу в покое?! Не звони мне больше!

Володя выключил радио и рванул с места.

– Ты же знаешь, что так ты меня не отключишь.

– Да что ж такое?! Отвали, говорю! Изыди!

– Я все равно буду бороться за тебя, Владимир.

– Бороться он будет, – проворчал вполголоса Володя после нескольких минут тишины. – Оставили бы вы меня в покое. Оба.

***

Володя даже не удивился, когда, открыв глаза, увидел силуэт на кресле у окна.

– Ты бы хоть декорации поменял, – проворчал он. – Опять полная луна и открытое окно.

– В следующий раз поменяю, – пообещал Пашка.

– Честно говоря, я надеялся, что следующего раза не будет.

– Как только темный оставит тебя в покое, так и перестану тебя донимать. А пока я должен быть уверен, что он не сбил тебя с пути. Кстати, классно ты его сегодня уделал, – Пашка показал большой палец.

– Ну раз ты знаешь, что я его отшил, то чего приперся?

– Я же вижу, что после разговора с ним ты снова стал сомневаться. А не бросить ли все и уехать в другой город? Так ведь? И что дальше? Здесь у тебя есть имя, репутация! Они уже работают на тебя. – Пашка замолчал, а затем посмотрел на него с прищуром и, понизив голос, сказал: – И ты же знаешь, что твои... скажем так, инвесторы будут не в восторге, если в последний день ты вдруг выйдешь из игры. Всех вло-

женных в тебя денег ты им не вернешь. Скорее всего тебя просто убьют. Этого он и добивается!

– Все-то ты знаешь, – проворчал Володя и отвернулся.

– Я ведь твой ангел, – Паша улыбнулся, но улыбка была какая-то фальшивая, с подвохом. – Посмотри на это с другой стороны. Завтра ты станешь мэром и сможешь помогать не отдельным людям, а многим сразу.

«Ага, и дербанить бюджет вместе со своими покровителями», – подумал Володя, но промолчал. Но Пашка, похоже, видел его насквозь:

– Ты сможешь делать и добрые дела! – он всем телом подался к Володе. – Ты ведь искренне хочешь дороги залатать. И спортплощадки по городу построить, и бассейн отремонтировать, чтобы дети спортом занимались, а не кололись, как твой друг.

– Да, хочу, – неуверенно ответил Володя, – на те деньги, что после дербана останутся.

– А представь, если мэром станешь не ты, а твой главный оппонент. Как его, Загребельский? Тогда о дорогах и спортплощадках можно вообще забыть!

– А откуда мне знать, что ты тот, за кого себя выдаешь? – помолчав, сменил тему Володя. – Приходишь во сне, как Фредди Крюгер. Уговариваешь в жизни ничего не менять. Еще и под видом моего друга наркомана. Вот кому не мешало в свое время кое-что изменить! Может, и жив был бы до сих пор. Ты можешь в другом виде явиться? Крылья хотя бы

свои показать? – хмыкнув, добавил Володя.

– В следующий раз будут тебе и крылья, и смена обстановки, – Пашка встал с кресла. – А пока, не сходи с пути!

Володя проснулся. К бабке сходить, что ли? Интересно, бывают бабки-экзорцисты? Надо погуглить.

***

Звякнули рюмки. Потекла в горло водка. Горькая, противная. Ее бы запить сейчас соком, но нельзя. Не при этих двоих. При них даже закусывать сразу нельзя. Разве что занюхать чем-то. Словно слыша его мысли, Игорь Иванович Давилов – главный прокурор города – взял его за шею, притянул к себе и, уткнувшись носом в его волосы, шумно вдохнул.

– Ну че, чем пахнет? – хохотнул Борис Аронович Крутов – председатель окружного суда и хозяин шикарной загородной дачи, на которой все трое отмечали результаты выборов.

– Да вот не пойму, – произнес Давилов, озадаченно изогнув свои пухлые губы, – то ли мэрским креслом, то ли крупным баблом.

– Так это ж одно и то же! – Крутов в голос расхохотался и хлопнул по столу своей лапищей, звякнув серебряными приборами и чуть не перевернув стаканы.

Володя тоже засмеялся. Что он здесь делает? Ему же противны эти двое. Терпи, Володя. Хочешь кататься на социальном лифте, налаживай связи. Без этих двоих он власть не удержит. Лишь бы не вышло как в песне, что у лифта трос

оборвался, и он в землю шахты влип. Может, прав был голо-
совой ангел? Не стоило в политику лезть?

Володя одернул себя. Что это он размяк? Раньше за собой
такого не замечал – все сны эти дурацкие.

– Что задумались, Владимир Александрович? – спросил
Крутов.

– Господин мэр все о родине думает, – ответил за него
Давилов.

Прокурор с судьей вновь расхохотались.

– Что тут думать? – с отдышкой от смеха пропыхтел Кру-
тов. – Главное людей правильных расставить, а они обо всем
позаботятся. Ты же помнишь, кто должен стоять на управле-
нии горимуществом? – как бы невзначай бросил он.

– И на земресурсах, – вставил Давилов.

– Я все помню, – выдавил из себя Володя, не в состоянии
больше улыбаться.

Почему он чувствует себя так? Он же только что выборы
выиграл, цели своей достиг. А ощущение такое, будто он в
клетку попал. Золотую, просторную, но все же клетку. Разве
об этом он мечтал?

***

За год мэрства Володя таки отремонтировал несколько
дорог и построил аж две спортплощадки. Больше ему сде-
лать не дали. Слишком большими были запросы у его покрови-
телей, и слишком быстро росли их аппетиты. Все это вре-
мя ощущение клетки усиливалось. Клетка все сжималась и

сжималась, и, казалось, превратилась в средневековую клетку для пыток. Тесную, твердую и с шипами.

Но не из-за этого Володя сидел на кухне и плакал. Не только из-за этого. На дорогом дизайнерском столе перед ним стояла полупустая бутылка рома, рядом на листке бумаги – недопитый стакан и еще запечатанный пакетик с кокаином. Листок этот ему выдали в лучшей клинике города. Сам заведующий, опуская глаза и потупляя взор, сообщил ему диагноз. Меланомы.

Володя помнил, как год назад заметил почерневшую родинку, но не придал этому значения. Он был слишком занят выборами, а затем назначениями, бюджетом и публичностью. Пока он подписывал бумажки, ходил по телестудиям и игнорировал усиливающиеся боли, зараза росла. Метастазы обнаружили во всех жизненно важных органах. Теперь они проступили даже на коже. Сколько ему осталось? Месяц? Два? Два месяца боли и мучений? Два месяца бесполезной терапии и бессмысленных расходов? Лучше эти деньги направить на что-то полезное. Лучше оставить после себя хоть что-то хорошее.

***

– Воло-одя. Воло-оденька, – тянул знакомый голос.

Володя открыл глаза. Он понимал, что находится в своей спальне, но едва узнал ее. Окно справа от кровати увеличилось до размера всей стены. Огромная бордовая луна заливала комнату кровавым светом. Слева откуда-то взялось еще

одно окно и еще одна луна.

– Я здесь.

– Твою мать! – закричал от ужаса Володя, когда поднял глаза к потолку. В дальнем углу, словно паук, растопырив ноги и руки, висел Пашка. Голова вывернута на сто восемьдесят градусов, смотрит пустыми глазницами прямо на Вову. Черные губы растянуты в оскале.

– Ты просил сменить обстановку, помнишь? – быстро перебирая конечностями, Паша прополз по потолку и оказался прямо над Володей. – Хотел посмотреть мои крылья? Любуйся. – Два черных кожистых крыла растянулись от окна до окна. – Нравится?

– Что тебе от меня нужно? – выдохнул Володя. Он оцепенел от ужаса и не мог оторвать взгляда от жуткой морды.

– Уже ничего. Ты уже все сделал. Теперь ты – наш, – оскал стал шире, разрезав морду от уха до уха.

– Ты ведь знал, – прошипел Володя. Он не идиот и сложил два плюс два. Появление его «друга» не просто так совпало с первым проявлением меланомы.

– Конечно, знал. Ты был в шаге и тебя нужно было лишь немного подтолкнуть. Даже не подтолкнуть, а не дать тебе, – Паша мерзко хихикнул, – сойти с пути.

– Значит, тот второй все же ангел?

– А ты как думаешь? – снова омерзительная ухмылка, от которой мороз по коже.

– Ну, он пытался меня направлять. Но как-то неуверенно

и... неправильно.

– А ты думал, только ты со своей сворой можешь клиентов разводиться? Прокурор – злой полицейский, а ты – добрый. Он накручивает срок, а ты якобы сбиваешь. И каждый отбитый год – штука баксов. И судья тут вроде как ни при чем. Он у вас сама непредвзятость и справедливость. Скольких вы людей так облапошили?

– Значит он такой же как ты, – Володя не спрашивал, он утверждал. – Голос этот. Или это ты и был?

– Это уже не важно, Володенька. Важно одно. – Паша сделал паузу и стал чеканить каждое следующее слово: – Теперь. Ты. Наш!

Он опустил потолок и, извернувшись, словно кот, рухнул на Володю.

***

Володя скрутился на кровати от внезапного приступа боли. За окном уже светло. Неужели он теперь спать не сможет без обезболивающего?

«Спать? – переспросил он сам у себя. – Тебе не о сне нужно думать, идиот!»

Превозмогая боль, он вскочил с кровати и бросился к ноутбуку. Крутов с Давиловым, может, и держали его за яйца, но он тоже имел пару тузов в рукаве. Все схемы, все их фирмы и подставные лица были сведены в один весомый и очень наглядный файл. Он вошел в интернет и стал рассылать этот файл во все адреса, которые только приходили ему на ум:

правоохранительные органы, пресса, организации по борьбе с коррупцией. Пусть ему светит ад, но он утащит этих двух упырей с собой. Не чтобы им было хуже, чтобы городу стало без них легче.

– Ты думаешь, если настучишь на своих, тебя ждет прощение? – прозвучал голос из ноутбука.

– Пошел на хер!

– Стукачей даже в аду не любят, Володька.

– А что это ты так распереживался? – Володя стиснул зубы от нового приступа боли, но потом лихорадочно улыбнулся. – Я что-то не так делаю? А, может, как раз именно так?

– Ты не промучаешься даже свои жалкие две недели, – голос вдруг закипел от злости. – Тебя убьют сегодня.

– Вот и хорошо. Но я успею сделать еще одно дело.

Он быстро натянул одежду. Взял паспорт, ключи от машины и свой диагноз.

– Что это ты удумал? – ехидничал «голос» из автомобильных динамиков. – Решил благотворительностью заняться?

– Почему бы и нет? – ответил Володя, давя на педаль и поглядывая на часы. Пол девятого. Нотариус, с которым он всегда работал, любил раньше приходить на работу. И не задавал лишних вопросов.

– Думаешь, что-то изменится, если оставишь все имущество безнадежно больным детям?

– Нет, думаю, что им оно нужнее, чем мне. И не все они безнадежно больны. В отличие от меня.

– Так ты же нажил свое барахло нечестно! Его конфиску-
ют. Ты ведь сам только что все раскрыл. Опозняк метаться,
Вовочка!

– Пусть попробуют забрать у благотворительного фонда, –
Володя оскалился. Раз этот демон – или кто-он там – не уни-
мается, значит он на правильном пути.

***

Перед тем, как выйти от нотариуса, Володя сфотографи-
ровал свое завещание и, как и файл со схемами, направил в
несколько адресов. У выхода его уже ждали. При виде трех
мордovorотов у старой иномарки он, на удивление, испы-
тал не страх, а облегчение. Конец близко. Долго мучиться не
придется.

Он шагнул по ступенькам вниз, а они шагнули к нему. Он
вспомнил свое детство, вспомнил давно умерших родителей.
Они были хорошими людьми. Бедными, но честными. Как
они им гордились, когда он поступил на бюджет на юрфак.
А как мама радовалась за него, когда он свидетельство ад-
воката получил. Тоже сам, ни копейки не платил. А он стал
таким позорищем для их светлой памяти.

«Мама, папа, простите меня. Я запутался и прожил жизнь,
как подонок», – успел он подумать перед тем, как кулак бли-
жайшего громилы врезался ему в лицо. Дальше вспышка и
темнота.

Его избитое, изломанное тело выбросили в какой-то под-
воротне. Постепенно он переставал чувствовать боль, чув-

ствовать свое тело. Он умирал.

– Вот же ублюдок, – прошипела над ним едва различима тень. Пашка? – Неужели выкрутился?!

– Терпеть не могу юристов, – раньше этот голос казался Володе мелодичным. А теперь от переполняющей его злобы скрипел словно ногтем по стеклу.

Володя из последних сил улыбнулся. Он откуда-то знал, что сделал все правильно.